

**ЧЕРКЕСКИЙ ЯЗЫК:
МОДУСЫ РЕЦЕПЦИИ И РЕЖИМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Алов Тимур Хазраилович, [orcid.org/ 0000-0002-4853-2589](https://orcid.org/0000-0002-4853-2589), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), aloborsa@mail.ru

На протяжении всего Нового времени активное функционирование черкесского языка наблюдалось не только среди той части населения феодальных и республиканских политий Черкесии которая идентифицировала себя черкесами (адыгэ). В этот период *адыгэбзэ* оказывается востребованным и носителями локальных идентичностей как на периферии черкесских феодальных агрегаций, так и инфильтрированными в черкесский социум (и обладавшими специфическим правовым статусом) и изначально аллофонными резидентами. Последние, в массе своей, предстают как ассимилированная (по меньшей мере, в языковом плане) группа населения Черкесии. Жители же периферийных районов шхагских княжеств (Бесленей, Большая Кабарда, Талостаней, Джилыхстаней) обнаруживают свой модус рецепции черкесского языка в рамках которого освоение акролекта не приводило к утрате тех или иных локальных идиом. Особый профиль восприятия *адыгэбзэ*, зиждившийся на сложившемся идентитарном единстве с преобладающей этнической группой сложился в юго-западном секторе Черкесии. На этих, и ряде других вопросов сосредоточено внимание статьи.

Ключевые слова: черкесский язык, вертикальный языковой континуум, шхагская диалектальная провинция, рецепция, акролект.

Предложив концепт «малой феодальной империи» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 10] в отношении Кабарды XVI–XVIII вв. В.Х. Кажаров объективно расширил репертуар исследовательских возможностей для осмысления политических характеристик, присущих ведущему черкесскому княжеству. Разумеется, как и любой другой подход, данная историографическая новелла может вызвать разного рода нарекания. К примеру, критики могут обратить внимание на то обстоятельство, что «термин “империя” применялся для описания государств, которые считались репрессивными во внутренней политике и экспансионистскими в политике внешней» [Суни 2007: 36]. Возможны апелляции и к тому пониманию, что, используя подобное понятие, речь можно вести об «огромных государствах “протяженного территориального доминиона”» [Суни 2007: 38]. Правомерным будет и напоминание о том, что с определенного периода и в рамках определенной культуры империя была сопряжена с претензией «на степень и форму власти, которыми не могли обладать простые короли» [Суни 2007: 38]. Невозможно игнорировать и такой интерпретационный ракурс, согласно которому, подобная категория применима лишь к правлению и территории охватывающей более одного политического сообщества, с абсолютным суверенитетом одного индивидуума» [Суни Р.Г. 2007: 38].

Представляется, что подобные возражения были предвидены мэтром современной черкесологии и он еще два десятилетия назад предусмотрительно оговорил,

что для адекватного восприятия предложенной оптики «необходимо абстрагироваться от обыденных ассоциаций и привычных пространственно-географических параметров» и обращать внимание только на существенные моменты [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 10]. Именно на них в большинстве случаев и ориентируются современные обществоведы. «Империя, – считает М. Дойл, – это отношение, формальное и неформальное, в котором государство контролирует действенный политический суверенитет другого политического сообщества» [Суни 2007: 38]. Определение, воспринимающееся исчерпывающим, автор счел необходимым дополнить уточняющим разъяснением; свою идею он представляет как систему взаимодействия между двумя политическими единицами, одна из которых – доминирующая метрополия осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой, т.е. действенным суверенитетом другой единицы – подчиненной периферии» [Суни 2007: 38]. Другая заметная фигура в исследованиях вопросов, связанных с имперской проблематикой Дж. Армстронг рассматривает империю как «сложносоставное политическое сообщество, инкорпорировавшее малые политические единицы» [Суни 2007: 38]. Однако устремленность к выявлению эталонной модели империи вряд ли сулит успех. Вместо попыток широких обобщений здесь представляется более предпочтительным сосредоточиться на верифицируемых «частностях», обладающих объяснительным потенциалом для каждой конкретной исследовательской программы. В случае настоящей инициативы кажется перспективным обращение более пристального внимания на вопросы внутреннего дизайна многосоставной политики с фокусировкой на ее линиях разломов / «соединительных швов».

Вместе с тем представляется полезным держаться валидной позиции Р.Г. Суни отмечающего, «что понимание империй требует исторической контекстуализации, поскольку их жизнеспособность связана с оперативными дискурсами легитимации и зависит от международного окружения, в котором они находятся» [Суни 2007: 37].

«Имперская» метафора и процедуры ее органичного вписания в структуру актуального исторического нарратива убеждает в том, что В.Х. Кажаров ясно осознал оправданность подобной установки. Как бы то ни было реалии, к которым ученый применил означенную терминологию чрезвычайно сложны и многомерны. Это обстоятельство обуславливает заведомую дискуссионность многих аспектов тематики. С определенностью можно говорить лишь о том, что в независимости от задействованной метафоры, всматриваясь в политическую структуру восточночеркесских княжеств Нового времени, мы видим композитные политики, покоящиеся на принципе неравенства статуса и иерархизированного разнообразия.

Функционирование подобных систем, как правило, имеет лингвистическое измерение. Относящаяся к концу 1840-х гг. констатация того, что «на всем пространстве от Малой Кабарды до Черного моря господствует язык черкесский (адыге)...» [Сталь 2014: 364] наряду с другими объясняется и этим соображением. А точнее политическими возможностями восточночеркесских княжеств от Джиляхстаня и Талостаня на востоке до Бесленя на западе в отношении разноразличного населения горных долин от Аргуна до бассейна Лабы в Новое время. В наибольшей степени доминирование шхагской диалектальной провинции черкесского языка в представленных географических рамках обуславливался мощью и влиянием ведущего восточночеркесского княжества – Большой Кабарды. Поэтому в источниках отражающих языковой аспект шхагской гегемонии, как правило, используется соответствующая номинация. Так, в «описании народов владикавказского округа по обществам» в начале 50-х гг. XIX в. перечисляются наименования следующих локальных коллективов: «алагирцы», «чемитинцы», «куртатинцы», «тагаурцы», «джерahi», «кистинцы», «далногалгавцы», «карабулаки», «ингуши». Одной из характеристик этих сообществ автор документа

признает то обстоятельство, что «говорят [они] на природном своем **и многие на кабардинском языках**» (так в тексте. – Т.А.) [Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. 2005: 27, 41]. Как видим, большую часть фигурантов документа, составляют западнокавказские «общества». Это обстоятельство подтверждает зафиксированное в предыдущем столетии наблюдение И.Г. Георги, согласно которому «Черкесский язык употребителен... также у чеченгов» [Георги 2010: 177]. В связи с этим любопытно вспомнить один сюжет, развернувшийся за несколько десятилетий до публикации труда академика. В 1747 г. коалиция князей Хатокшоко, Бекмурза и Кайтуко изгнала из Кабарды княжеский клан Мисост. В стремлении максимально ослабить позиции изгнанников князя-гегемона старались отсечь своих противников от потенциала их вассалов. Для этого *пцыхи-ху* Бекмурза Батоко и Хатокшоко Бамат созвали наряду с другими и «множество старшин чеченских...» [Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 115. Кабард. Д. 1747. Д. 3. Л. 53. Цит по: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–XIX вв. 1994: 109]. Пребывавшие в это время в Кабарде российские агенты, выясняя причины собрания, обратились за разъяснениями к «старшинам». Они объяснили, «что некоторая [их] часть была подвластна [Мисост] Касаю с братьями и призвали де нас для того, чтоб ныне по ссоре [Хатакшоко] Бамата... с реченными их владельцами (т.е. Мисост. – Т.А.) нам подвластными их людьми не называться. И разделили де нас Батоко и Бамат з братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самих и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать...и, ежели у кого есть оных владельцев Месоусовых, холопов или какой скот оных им объявить, а тем владельцам не отдавать. И в том берут с нас присягу» [Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 115. Кабард. д. 1747. Д. 3. Л. 53. Цит по: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–XIX вв. 1994: 109]. Хотя в документе ни разу не упоминается язык, на котором происходило общение между участниками собрания, представляется маловероятным, чтобы при выработке его определяющих формулировок игнорировался язык находившихся на вершине сюзеренно-вассальных связей региона феодалов. В особенности, это касается такого ключевого момента форума, как присяга, к которой в черкесской политической культуре выработалось весьма щепетильное отношение.

Рассуждая о практическом измерении бытования черкесского языка среди жителей конгломерата ираноязычных коллективов, уместно обратиться к коммуникативным навыкам представителя самой восточной их локальной группы – тагаурского алдара Мусы Кундухова. Для этого обратимся к одной из особенностей весьма насыщенной беседы, которую он вел в Тифлисе с депутатами из Кабарды *пши* Мисост Алхасом и *тлекотлешем* Анзор Магометмирзой накануне шамилевского похода 1846 г. В ходе общения черкесские аристократы поведали Кундухову об одном сюжете, развернувшемся в начале российско-черкесского противостояния в 60-х гг. XVIII в. Спустя годы, вспоминая о впечатлившем его рассказе, автор решил не просто воспроизвести канву повествования, но, и, видимо, в целях максимальной убедительности, привести его «ключевые слова» в максимально приближенной к аутентичной семантике и звучанию форме. Так, Екатерина II в тексте фигурирует как «Царь-Женщина» (в черкесском языке отсутствует грамматические роды и ввиду того, что словообразование в нем происходит по принципу полисинтетичности; очевидно здесь мы наблюдаем кальку слов «паштыхь гуащ»). Драгоценности, полученные от нее названы «блестящими камнями» – «мывэ цу» (в примечании автор сам расшифровывает его смысл). Слова, заимствованные из арабского и прочно укоренившиеся в черкесском языке «блеск (нур) Кабарды», «харам», «афорни!» – афэрым, «намус (честь)» которые использованы собеседниками тагаурского алдара безошибочно удостоверяют, что общение происходило на черкесском языке (иначе сложно представить воспроизведение

соответствующих лексем спустя десятилетия после самой встречи) [Муса-Паша Кундухов: интернет ресур]. Другой тагаурец – Кудаберд Шанаев засвидетельствовал, что будучи мальчиком «находился для обучения кабардинскому языку у князя Магомета Докшукина» [Марзоев 2012: 287]. В этом плане закономерно, что Г.Д. Тогошвили не сомневался, что «социальные верхи Осетии владеют черкесским языком» [Тогошвили 1977: 41–42, 56].

В наиболее выраженной форме данное обстоятельство проявилось в среде неупомянутой в вышеприведенном перечне ираноязычной агрегации, а именно дигорской. Вместе с тем, источники говорят, что именно «Дигорцы больше других Осетин окабардинились в своем языке и обычаях ибо издревле составили часть удела Бекмурзина и Кайтукиных в Большой Кабарде» [Алиева 2017: 212]. В другой работе отмечалось, что «знание кабардинского наречия для привилегированных классов Дигории являлось по обычаю... обязательным» [Линден 2006: 342]. Подробности того, как технически реализовывалась такая установка мы можем вычитать из другого источника. Он гласит: «Детей своих они, подобно высшим сословиям, не воспитывали дома, а отдавали аталыкам сначала на родине, а потом в Кабарду; поэтому-то без исключения все мужчины привилегированных дигорских сословий говорят по-кабардински. Знание кабардинского языка для них как бы обязательно, и оно составляет резкую черту, отделяющую в Дигории господ от простолюдинов [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 106]. «До эпохи национализма язык очень редко выделяли как фактор, на котором основывались престиж и власть определенной группы», – утверждал Ханс Кон» [Кон 2010: 31]. Если он прав (что неочевидно), выше представленная фактография свидетельствует об одном из редких прецедентов, когда языковой фактор определенно обуславливал социальное положение носителей того или иного языка.

Разумеется, в последующем, с окончанием Кавказской войны, компетентность как иронцев, так и дигорцев в черкесском языке резко пошла на убыль. Однако несмотря на отсутствие прежних, жестко детерминировавших освоение навыков *адыгэбзэ* политико-прагматических мотивов, восприимчивость к нему инерционно имело продолжение еще длительное время. Видимо, учитывая это обстоятельство, на излете XIX в. один из основоположников осетинской художественной литературы Сека Гадиев сокрушался «Чем же стали осетины? Часть – татары, часть – грузины. Этот – русский, тот – черкес... (выделено нами. – Т.А.) Что за странная картина! Может, мой народ исчез?» [Гадиев 2008: 141–142].

К западу от конгломерата ираноязычных обществ модус рецепции черкесского языка, в целом, имел те же характеристики. Леонтий Люлье в 1846 г. к народам, говорящим «черкесским наречием» относил «балкарцев», «шигиемцев» и карачаевцев [Люлье 1846: V, VII]. Даже спустя полвека, когда от кабардинского доминирования в регионе не осталось и следа, согласно А.В. Старчевскому мало что изменилось. В отношении востребованности компетентного знания языка бывших политических гегемонов региона этот автор фиксировал следующее: «Карачаевцы, Шигемцы и Байкары говорят кроме татарского, по-кабардински» [Старчевский 1893: 674–675].

Следующий кластер реципиентов черкесского языка составлял абазский массив населения Западного Кавказа. К народам, говорящим на *адыгэбзэ* источник относил «Абхазского происхождения: 1) Басихог или Абазинцы Алтыкесек; 2) Башилбай; 3) Там; 4) Шагирай; 5) Казилбек; 6) Баг и 7) Баракай» [Люлье 1846: V]. Да и Карл Сталь отмечал, что «Абазинцы..., кроме своего языка, говорят все черкесским языком» [Сталь 2014: 364]. В этой связи уместно вспомнить тезис Хатокшоко Бамата, выдвинутый им за столетие до этого; говоря об абазинах он утверждал, что «и разговор у них такой же как у нас» [Кабардино-русские отношения 1957: 164]. «Из абхазских племен большая часть, сверх своего природного

языка, говорит по-кабардински; прочие же бесленеевским наречием» сообщил другой источник [Старчевский 1893: 674–675]. Здесь, разумеется, речь шла об абазском населении Бесленея и Большой Кабарды. Однако отдельные источники позволяют говорить о влиянии черкесского языка и на южном склоне хребта, включая и княжескую Абхазию. Так, во второй половине XIX в. посещавшие с академическими целями регион путешественники отмечали: «Абхазцы же в самом наречии позаимствовали многое у соседей Кабардинцев» [Алиева 2017: 251]. Спустя десятилетия, разбиравшийся в вопросе профессиональный лингвист Симон Джанашиа констатировал: «Абхазский генетически связан с черкесским и в то же самое время находится под большим его влиянием» [Джанашиа 2007: 111]. Видимо не без оснований, поэтому, позднее Г.А. Климов говорил о «наводнении» им наряду с осетинским, балкарским и другими языками абхазского «причем пережитки его приоритета, наряду с кабардинским аристократизмом и комильфотностью, сохранялись здесь еще в XIX в.» [Климов 1959: 19]. В этом плане не будет натяжкой предположить, что консультации цебельдинского князя Маршана с одним из черкесских *пши* в контексте судьбоносных для Абхазии событий 1810–1811 гг. происходили на *адыгэбзэ* [Акты, собранные кавказской археографической комиссией 1870: 877]. Однако, очевидно, что в отличие от населения локальных сообществ, прочно инкорпорированных в политическое тело восточночеркесских княжеств лингвистическое влияние в Абхазии, зиждилось на идеологических и культурных основаниях. В силу отсутствия жесткой политической детерминированности рецепции *адыгэбзэ* обладание навыками черкесского языка у населения Абхазского княжества определено было менее выраженным. Более того, к 40-м гг. XIX в. даже в Садзене, за десятилетие до этого идеологически, культурно, политически и идентитарно артикулировавшем свою ориентацию на Черкесию, черкесским языком владело «весьма незначительное число, преимущественно из князей и дворян» [Люлье 1846: V; Алоев 2016: 21–29].

А вот языковая ситуация к западу от Садзена была радикально иной. Так, Люлье отмечал, что «из живущих же на южном скате тогож хребта; говорят Черкесским наречием отдельный народ Убыхи». В другом месте, обращая внимание на динамику и тенденции сложившейся там языковой ситуации, он писал: «Убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским. Со временем язык этот может исчезнуть по всеобщему употреблению языка черкесского» [Люлье 2014: 68]. О предпосылках такой возможности писал и Торнау: «Убыхи, хотя по происхождению своему и не принадлежат к племени черкесскому, но слившись с соседями своими, которых язык предпочитают собственному...» [Торнау 1999: 491]. «Убыхи говорят общечеркесским языком, только букву х произносят более гортанью», – отмечалось у другого автора [Старчевский 1893: 674–675]. «По словам хакучей, – пишет он, – у убыхов было два языка – один общечеркесский, адыге, общераспространенный среди них и более всего употреблявшийся, а другой – свой собственный язык, которым они пользовались тогда, когда желали, чтобы их не поняли другие черкесы, например находясь в плену. Этот последний язык носил у них название абзабзы...» [Альбов 1894: 141–142]. Ногма Шора также обращал внимание на этот вопрос: «Язык Атыхейский, или говоря понятнее, язык Кабардинский... или вариантами его, более или менее к нему подходящими, говорят... И большая часть племени Убых» [Ногма 1959: 55]. Карлгоф, в этой связи, подчеркивал: «Происхождение убыхов неизвестно, но по образу жизни, общественному устройству, нравам и обычаям они сходны с Черкесами и все вообще говорят, кроме своего природного, на Черкесском языке» [Карлгоф 2008: 269]. Далее, он продолжал: «...племя убыхов, котория хотя по происхождению и языку вовсе не принадлежат к народу адиге, но по нравам, обычаям, общественному устройству и по всеобщему употреблению у них черкесского

языка наравне с природным их языком могут быть причислены к группе черкесских племен» [Карлгоф 2014: 9]. Особенности языковой ситуации в юго-западном секторе Черкесии проясняет и другое наблюдение. «Мне удалось познакомиться с одним джигетским князем, который уверил меня, что знает по-убыхски в совершенстве, так как всю жизнь провел с убыхами. При этом продиктовал он мне с полсотни слов и несколько фраз, которые мой переводчик абхазец признал совершенно чуждыми абхазскому языку. Но сличив записанное с несколькими находившимися у меня образчиками адыгского языка, я убедился, что все переданное мне принадлежит адыгскому языку с легкими изменениями в произношении», – отмечал П.К. Услар [Услар 1887: 9].

Особое положение среди реципиентов *адыгэбзэ* занимал ногайский массив населения Черкесии. В 1830-х Хан-Гирей говоря о ногайцах отмечал, что «между ними язык черкесский, говоря вообще сделался общим» [Хан-Гирей 2008: 256]. Люлье в 1846 г., рассуждая о носителях черкесского языка, говорил о том, что и «ногайцы, известные под названием Закубанских» относятся к их числу [Люлье 1846: V, VII]. Сталь, спустя несколько лет подтверждал, что «ногайцы закубанские, кроме своего языка говорят все черкесским языком» [Сталь 2014: 364]. По окончании Кавказской войны представители российского правительства констатировали ситуацию при которой «Близость соседства кабардинского народа и непосредственно его преобладание над другими были причиной того, что закубанские ногайцы сходны в образе жизни с кабардинцами, коих нравы и обычаи служат предметом подражания для закубанских ногайцев. Большинство ногайцев говорят по-черкесски, по-абазински, детям своим дают черкесские имена чаще, чем общеногайские. Почти все обряды, костюм, пища, постройка и расположение домов, песни и танцы – все перенято ими у кабардинцев» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 136.]. Спустя десятилетия другой автор, привнося новую расстановку в акцентах языковой ситуации констатировал, что «Закубанские ногайцы говорят также, кроме собственного, и общечеркесским наречием» [Старчевский 1893: 674–675]. Весьма примечателен черкесский профиль языковой ситуации у ногайцев уже на рубеже XIX–XX вв. Об этом можно судить по одному сюжету, связанному с поездкой знаменитого *джегуако* Агноко Лаша к ногайскому хану. Считая невозможным обратиться с прямой просьбой о материальном вспомоществовании будучи представителем Кабарды, Агноко затянул свой дифирамб, обращенный к ногайскому "феодалу":

«-Нэгъуей хъаныжьу
Ижь лъандэрэ бланафэ бгъэн!
Унагъуэ хахуэу хэкушхуэрыс,
Узэрыс пхафэм уибэгъухьыну
Сынохъуэхъун щхьэкIэ сыкъыпхуэкIуаш.
Хабзэу къысхуэпщIар Къэбэрдей щIыпIэм
Зы Iупэ закъуэкIэ щысIуэтэжынщ...»

«[Эй,] Большой ногайский хан*,
Вековой покровитель [своим подданным].
Славной фамилии [представитель] – обитатель большого Хэку,
Чтобы ты в степи благоденствовал
Выразить благопожелания я посетил тебя.
Чтобы о проявленном тобой [в отношении меня] хабзэ я Кабарду
Оповестил громогласно» (перевод наш. – Т.А.)

[Агънокъуэ Лашэ 2016: 138]

* Словоупотребление слова «хан» в черкесском языковом сознании этого времени, разумеется, было анахронистичным и не предполагало обозначения феодального титула.

Восхищенный панегириком, исполненным в сугубо черкесской традиционной манере, ногаец щедро одарил *джегуако*. Вряд ли есть необходимость в обосновании того, что адекватная оценка изощренного агноковского слога (изобилующего специфическими лексическими и фразеологическими формами) требовала компетентного знания черкесского языка.

Примечательно, что к исходу первой четверти XX в. ногайцы не только были массово вовлечены в стихию черкесского языка. Консолидационные процессы в Верхней Кубани привели к тому, что ногайское население данного субрегиона стало отождествлять себя с черкесами. На это, в своей работе, указывал исследователь этнолингвистических процессов на Северном Кавказе.

Н.Ф. Яковлев. Рассуждая о современном ему словоупотреблении термина «адыгэ» он подчеркивал, что так «называются здесь все жители плоскости Предкавказской равнины, то есть кабардинцы, абазинцы и ногайцы в отличие и в противоположность жителям нагорной полосы – карачаевцам» [Яковлев 2020: 20]. Развивая свои размышления, автор вскрывал и аксиологический аспект подобного явления, отмечая, что «в настоящее время термин «адыгэ» в том толковании, которое придается ему самими местными жителями, получает свое идеологическое обоснование в их устах как прозвище более культурного, более правоверного в религиозном отношении мусульманского населения, отличающегося знанием законов высшей вежливости (адыгэ хабзэ)» [Яковлев 2020: 22]. Симптоматично, что оценки, хронологически относящиеся к начальному этапу большевистского национально-религиозного движения вполне корреспондируют с представлениями о лингвосоциальных доминантах, определявших культурно-цивилизационный облик региона задолго до этого времени. Но прежде, чем проиллюстрировать фундированность подобного взгляда в отношении вовлеченных в черкесский этнополитический контекст региональных агрегаций, имеет смысл обратить внимание на круг специфических резидентов Черкесии так или иначе вписавшихся в ее лингвокультурный ландшафт.

Речь идет о той категории обитателей страны, которые обладали статусом *хъэццIэ* (буквально: гость) и по своему социальному положению приближавшихся к клиентам суверенных правителей страны. К таковым относились разновременно появлявшиеся в Черкесии «сообщества» «френккардашей», некрасовских казаков, армян, а также совсем выбивавшиеся по происхождению и социальному статусу из любого шаблона – хануко («хъаныкъуэ»). Суммируя сведения источников, можно сказать, что появление последних (впрочем, как и первых) напрямую было связано с возвышением рядом с Черкесией могучего Крымского ханства во второй половине XV в. С определенного момента, преимущественно со второй половины следующего столетия, Бахчисарай стал поставлять в Черкесию своих неугодных отпрысков, временами образовывавших обособленные «патронимические» коллективы. Вместе с тем, несмотря на более чем знатное происхождение, говорить об их политическом влиянии в стране не приходилось. Черкесы, как отмечается в одном из документов, «относились всегда к ним, как к почетным гостям, оказывая им лишь первенствующее перед всеми другими сословиями наружное почтение и величая их хануко; никакой власти и значения в делах народных они не имели и жили теми средствами, какие сами могли добывать. По этой причине они удержали только лишь свое наименование и сохранили свои семейные обычаи; но язык, костюм, образ жизни и вообще все понятия они переняли от горцев» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 178]. Наблюдения Сталя не менее красноречивы. Рассуждая о практике отдачи ханами «своих сыновей в аталыки (на воспитание) к черкесам» с далекоидущими замыслами, он риторически вопрошал: «И что же вышло?». Предъявляемый ответ был следующий: «Ханские дети (хануко) поселившись между горскими народами, очеркесились, были черкесами уважаемы за происхождение. Но, несмотря на связи с

Крымом, несмотря на родство с черкесскими князьями (ни один из этих хануко не оставил себе малейшего владения, не получил нигде (кроме как личными качествами) влияния на судьбу общества, в котором он жил. Везде местный черкесский князь больше значил, чем хануко» [Сталь 2014: 358–359]. Однако и такое положение справедливо лишь в отношении ситуации на западе Черкесии. В Кабарде же, хануко не образовывали никаких «стационарных колоний». Здесь типичной представлялась ситуация, когда действующего «крымского хана сын к... [князьям] Мусавытовым (Мисост. – Т.А.) детям прислан был для обучения черкесского языка, и он того черкесского языка обучился» [Кабардино-русские отношения 1957: 25]. И, как правило, если политическая ситуация в ханстве для кабардинских воспитанников не предвещала опасности, прошедшие черкесскую инкультурацию ханские отпрыски возвращались на родину.

С высокой долей вероятности можно предположить, что и жители появившейся осенью 1708 г. в Черкесии небольшой колонии донских казаков (сначала в низовьях Лабы, а затем на Таманском полуострове) – некрасовцев, в последующие десятилетия, в той или иной степени восприняли черкесский язык. Но особое место в лингвосоциальном ландшафте Черкесии длительное время занимали армяне. Как сообщают источники, последние выехали в Черкесию «из Крыма не позже конца XVI века и, заручившись покровительством сильных лиц, водворились между ними, вероятно, с торговыми целями и с течением времени, сохранив только религию предков, всецело приняли в своей жизни обычаи, **язык** (выделено нами. – Т.А.) и все условия горской жизни, ничем не отличаясь от коренных обитателей, кроме некоторых различий в отношении работы» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 2003: 150]. «Торговое сословие в горах, – выясняя специфику данной «прослойки» писал Карлгоф, – состоит из живущих там армян, которые не причисляются к народу, а считаются гостями...» [Карлгоф 2014: 19]. По-видимому, последнее обстоятельство сыграло ключевую роль в относительно легком дистанцировании и направленном дрейфе армян от черкесов в ходе Кавказской войны и последующих сознательных усилиях по оставлению черкесской культурной матрицы. Г.М. Дерлугьян общий вектор данного процесса описывает следующим образом: «Черкезо-гаи «расчеркешивались» даже в двух направлениях одновременно – русифицируясь и восстанавливая армянскую идентификацию (выписывались армянки-невесты, учителя, священники – ведь армянского черкезо-гаи не знали)» [Дерлугьян 2018: 115].

Исторический взгляд на условия функционирования черкесского языка в кавказском регионе на протяжении Нового времени подталкивает к осмыслению «протуберанцев» *адыгэбзэ* вне границ устойчивой макросистемы черкесских политий. Однако задачи настоящей работы не предполагают обстоятельного анализа данных о специфике бытования черкесского языка в географических пунктах от Мегрелии до Астрахани и от Крыма до Каира. Объемная реконструкция данного аспекта проблемы требует отдельной исследовательской инициативы.

Возвращаясь к субстратным основам длительного и устойчивого преобладания черкесского языка в кавказском регионе целесообразно принять во внимание культурно-символические императивы, определявшие цивилизационный контекст его бытования. Недостатка в источниках, отражающих данный аспект исторических реалий нет. Однако во избежание избыточного воспроизведения взглядов, давно составляющих общее место в кавказологии обратимся буквально лишь к нескольким наблюдениям.

Хрестоматийное описание П.С. Потемкина 1784 г. в этом плане не теряет актуальности. Красноречивым представляется мотивировка его познавательной инициативы. «Приложив всевозможное старание познать нравы и состояние всех народов в Кавказских горах и вокруг оных обитающих, не пропустил я ничего, что только могло мне подать об них познание, и, собрав разныя сведения по объявлениям

наилучших людей, нахожу достойным описать кабардинцев, яко главнейших между всеми народами, занимающими все пространство земли, лежащей у подошвы Кавказских гор, между Каспийским и Черным морем» [КРО 1957: 359]. Т.е. автор исходил из возможности «познать нравы и состояние всех народов в Кавказских горах» через изучение «главнейших» из них. Хотя Потемкин и не упустил политического аспекта этого «главенства» все же сумел артикулировать другую, более важную, с точки зрения поставленной им задачи, компоненту заинтересовавшего его предмета. «Кабардинцы между всеми горскими народами, кроме дагестанцев, имеют преимущество, все протчия роды, как-то: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андисцы, асетинцы, абазинцы, беслинейцы, кигушевцы и протчия не только подражают оным, во нравах, во всех обычаях...» Как можно заметить, фокусировка российского вельможи «на нравах и обычаях» удивительным образом созвучна тайлоровской дефиниции культуры, сформулированной британским ученым много позже.

Спустя столетие имперские агенты не изменили своего взгляда на трендсеттеров культурных процессов в регионе; правда к этому времени формулировки стали более точными. «Кабардинский народ, принадлежащий по языку, обычаям и происхождению к адыгейскому племени, вследствие воинственности своих вождей, силою оружия подчинивших себе множество других туземных племен, обитавших по Тереку, Кубани и в глубине гор Северного Кавказа до подчинения этого края Российской державе, стоял во главе не только своего родного адыгейского племени, но и всех кавказских народов, составляя в среде их **центр присущей им цивилизации**. Нравы, обычай и сам строй общественной жизни кабардинцев с охотой перенимались и усваивались побежденными племенами, на которых и поныне лежит неизгладимая печать бывшего над ними господства кабардинского народа и его предводителей» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 2003: 77]. Авторы данного текста уверенно констатировали «высокое, так сказать, **цивилизующее положение** (выделено нами. – Т.А.) сего последнего в среде более или менее зависящих от него племен...» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 76]. Примерно в это время черкесский классик Каламбий, оснащенный, в отличие от вышеприведенных авторов, эмической оптикой, отмечал: «Обычай, манеры, даже костюм и конская сбруя адыгов были издавна для остальных горских народов предметом усердного подражания и заимствования. Самые значительные из них по численности и устойчивости племенных своих преданий сильно подчинились рыцарско-аристократическому влиянию адыгов. Высшие сословия их переняли у последних не только образ жизни, но и **предпочитали их язык своему родному** (выделено нами. – Т.А.). Они также усердно желали казаться черкесами, как еще недавно иные русские хотели преобразиться в французов. Само собою разумеется, что и народ старался по возможности не отставать в этом отношении от своих представителей» [Каламбий 1987: 223]. Последний тезис позволяет и подвигает к дополнению суждений Джеймса С. Скота, о том, что «ровно так же, как римляне использовали греческий язык, первый французский королевский двор – латынь, русская аристократия и царский двор – французский, а вьетнамский королевский двор – китайскую систему письменности и конфуцианство» [Джеймс 2017: 170] разноразличное население ансамбля черкесских «лимитрофов» Нового времени деятельно осваивало *адыгэбзэ*.

Осмысляя всю систему факторов, детерминировавших подобное положение Н.Ф. Яковлев ретроспективно обнаруживал: «Кроме насаждения феодализма в горах, а также экономического и политического воздействия, кабардинский феодализм оказывал также крупнейшее культурное влияние на все зависимые народы. Влияние это выразилось, между прочим, в сохранении кабардинского языка как языка международного, главным образом на осетинском, балкарском, карачаевском и

абазинском нагорьях. Кабардинский язык в это время обслуживал все протяжении Северо-Кавказского торгового пути, начиная от устьев Терека и кончая бесленевцами на западе, однако с кабардинским языком при некотором навыке феодал-кабардинец мог доехать и до черкесского Черноморского побережья на крайнем западе и устьев Кубани» [Яковлев 2020: 105]. В действительности же в Черкесии существовало единое пространство общения и у дворян из восточчеркесских княжеств для передвижения по стране не было необходимости в иных навыках кроме знания шхагского диалекта черкесского языка не говоря о том, что для многих из них (воспитывавшихся в кяхских семьях) западный диалект был первым.

Суммируя сообщения обширного корпуса источников относительно особенностей функционирования *адыгэбзэ/адыгабзэ* среди иноязычного населения черкесских политий Средневековья и Нового времени можно прийти к некоторым заключениям. Языковые процессы в Черкесии и во фронтальной зоне по ее периметру стабильно отличались сложностью и разнородностью и, в основном, определяются понятием диглоссии с характерным для нее несбалансированным двуязычием. Ситуация сосуществования двух языков (в каждом конкретном локальном секторе) применяемых их носителями в различных функциональных сферах также описывается концептом вертикального языкового континуума. Структурно он формируется на базе взаимодействия разноуровневых языковых сущностей, представленных полярными идиомами базилекта и акролекта. Обладавшая мощной политической, экономической, культурной и демографической инфраструктурой черкесский язык в рассматриваемый период находился на уровне акролекта в сложившемся в регионе языковом континууме.

Источники и литература

1. *Агънокъуэ Лаишэ. Усэхэр. Зыгъэхъэзырар КъардэнгъушI Зрамыкуш. Налщыч, 2016. Н. 254.*
2. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1870. Т. IV. 1019 с.
3. *Алиева А.И.* «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX–XX в.: кавказоведческое наследие А.С. и П.С. Уваровых. М., 2017. 807 с.
4. *Алоев Т.Х.* Эволюция идентичности абазских обществ междуречья Бзыби и Сочи в 30-х гг. XIX в. // Вестник КБИГИ. 2016. № 2 (29). С. 21–30.
5. *Альбов Н.* Ботанико-географ. исслед. в Зап. Закавказье в 1893 г. ЗКОРГО. Тифлис, 1894. Кн. XVI.
6. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 115. Кабард. Д. 1747. Д. 3. Л. 53.
7. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
8. *Гадиев С.К.* Произведения: проза, стихи, пьесы, миниатюры. Владикавказ, 2008.
9. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. Вып. III.
10. *Дерлугьян Г.С.* Горские князья, партвыдвиженцы и помидорщики: двести лет социальной эволюции адыгской элиты // Политическая концептология. № 4. 2018.
11. *Джанашиа С.* Черкесские дневники. Тбилиси, 2007. 265 с.
12. *Джеймс С. Скот.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017. 564 с.
13. Кабардино-русские отношения. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. 423 с.
14. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–XIX вв. Нальчик, 1994.

15. *Каламбий (Адыль-Гирей Кешев)*. Записки черкеса. Нальчик, 1987.
16. *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Кавказ: Черкесия. Нальчик, 2014.
17. [*Карлгоф Н.*] Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального Штаба Полковник Карлгоф // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008. 831 с.
18. *Климов Г.А.* Новое в изучении убыхского языка // «Труды» АБИЯЛИ. Т. XXX. Сухуми, 1959.
19. *Кон Х.* Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 27–62.
20. *Линден В.К.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII–XX века. Архивные материалы и научные исследования в двух томах. Т. I. Нальчик, 2006.
21. *Люлье Л.Я.* Словарь русско-черкесский, или адигский, с краткой грамматикой сего последнего языка, одобренный С.-Петербургской академией наук / составлен Леонтием Люлье. Одесса, 1846. С. V, VII.
22. *Люлье Л.Я.* Черкесия // Кавказ: Черкесия. Нальчик, 2014. С. 57–96.
23. *Марзоев И.Т.* Тагиата: привилегированное сословие Тагаурского общества Северной Осетии. Владикавказ, 2012.
24. *Муса-Паша Кундухов.* Мемуары. // <http://drevlit.ru/kavkaz>XIX>kunduchov>2>posl>.
25. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов. В 2-х томах. Т. I. М., 2005. 368 с.
26. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. II. 197 с.
27. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. Нальчик, 2003. Т. I. 343 с.
28. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: Черкесия. Нальчик, 2014. С. 331–399.
29. [*Старчевский А.В.*] Кавказский переводчик, заключающий в себе 30 языков. Издание второе / сост. А.В. Старчевский. СПб., 1893.
30. *Суни Р.Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 36–82.
31. *Тогошвили Г.Д.* Вахушти Багратиони. Осэтиса да осэбис шэсахэб. Тбилиси, 1977. С. 41–56.
32. [*Торнау Ф.Ф.*] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 507 с.
33. *Урзуати В.С.* Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе. 1990 // [textarchive.ru. / c – 2987144 – pall. html](http://textarchive.ru/c-2987144-pall.html).
34. *Услар П.К.* О языке убыхов // Этнография Кавказа. Тифлис, 1887.
35. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. 363 с.
36. *Яковлев Н.Ф.* Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем. // Кабарда: слава Кавказа, вольности щит. XVI–XX вв. Пять веков в пяти книгах. Кн. V. Нальчик, 2020. С. 5–195.

**CIRCASSIAN LANGUAGE:
METHODS OF RECEPTION AND METHODS OF FUNCTIONING
IN THE SYSTEM OF ETHNOPOLITICAL TIES IN THE NORTH CAUCASUS**

Aloev Timur Hazrailovich, orcid.org/0000-0002-4853-2589, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), aloborsa@mail.ru

Throughout the New Age, the active functioning of the Circassian language was observed not only among that part of the population of the feudal and republican polities of Circassia that identified themselves as Circassians (Adyge). During this period, adygebze is in demand and

bearers of local identities both on the periphery of the Circassian feudal aggregations, and infiltrated into the Circassian society (and possessing a specific legal status) and initially allophone residents. The latter, for the most part, appear as an assimilated (at least linguistically) group of the population of Circassia. Inhabitants of the peripheral regions of the Shkhag principalities (Beslenei, Bolshaya Kabarda, Talostany, Dzhilyakhstani) reveal their own mode of reception of the Circassian language, within which the development of the acrolect did not lead to the loss of certain local idioms. A special profile of perception of the Adygebze, based on the established identity of unity with the predominant ethnic group, developed in the southwestern sector of Circassia. The attention of the article is focused on these and a number of other issues.

Keywords: Circassian language, vertical linguistic continuum, Shkhag dialectal province, reception, acrolect.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-16-27